

К. С.
АКСАКОВ

∞
Узбранное

∞

Константин Аксаков

**По поводу VI тома «Истории
России» г. Соловьева**

«Public Domain»

1856

Аксаков К. С.

По поводу VI тома «Истории России» г. Соловьева /
К. С. Аксаков — «Public Domain», 1856

«Перед нами шестой том «Истории России», сочинение даровитого и трудолюбивого московского профессора. Рецензируемый том заключает в себе в высшей степени важную и замечательную эпоху нашей истории. Содержание этого тома – Иоанн IV...»

Константин Сергеевич Аксаков По поводу VI тома «Истории России» г. Соловьева

Перед нами шестой том «Истории России», сочинение даровитого и трудолюбивого московского профессора. Рецензируемый том заключает в себе в высшей степени важную и замечательную эпоху нашей истории. Содержание этого тома – Иоанн IV.

Мы прочли с величайшим любопытством новое сочинение г. Соловьева, и выскажем наше мнение с той откровенностью и правдой, на которые имеет право добросовестный, с любовью и убеждением совершенный труд, не нуждающийся в снисхождении, в умышленном поощрении или ободрении. Мы надеемся, что уважаемый нами сочинитель выслушает без неудовольствия наши замечания, возражения и предположения, делаемые нами из единого побуждения: достигнуть истины в понимании истории нашего отечества, нашей России, доселе стоящей загадкой среди остальных народов человечества.

Останавливаемся прежде всего на самом построении или историческом расположении VI тома. Сочинитель разделил свою историю царствования Иоанна IV на семь глав, носящих название: I. Правление Великой Княгини Елены. II. Правление боярское. III. Казань, Астрахань, Ливония. IV. Опричнина. V. Полоцк. VI. Стефан Баторий. VII. Строгановы и Ермак. – Глава о внутреннем состоянии русского общества во времена Иоанна IV назначена для VII тома. Таким образом, г. Соловьев выбрал главные минуты из государственной жизни Иоанна и в этих семи главах рассказал о них подробно, – но зато это самое лишило целости и полноты весь рассказ. Вышло прекрасное историческое сочинение о царствовании и эпохе Иоанна, но не история его царствования и эпохи. Ряд поименованных нами глав есть ряд прекрасных монографий, расположенных хронологически, но тем не менее монографий, или, вернее, исследований. Положим, что здесь схвачена сущность эпохи, но все же это будет не история, а извлечение из истории. Вот общий недостаток, как нам кажется, самого изложения. Рассмотрим подробнее.

Первые две главы: «Правление Великой Княгини Елены» и «Правление боярское» идут довольно последовательно; хотя и тут мы могли бы спросить почтенного автора: отчего продолжает он правление боярское после того, когда, по словам летописи, бояре начали иметь страх от царя (29 декабря 1543), даже после венчания Иоанна на царство? Впрочем, на это можно отвечать тем, что автор считает тогда только оконченным правление боярское, когда Иоанн всенародно обвинил бояр и сказал, что отныне сам будет распоряжаться. Так, здесь кончилось боярское правление, но не то боярское правление, которое было в малолетстве Иоанна и которое стоит в заглавии главы, – оно кончилось прежде, – но то боярское правление, которое шло от самого Рюрика под именем дружины; Впрочем, сказать по правде, оно не было правлением: оно было советом, получившим лишь вследствие обычая большой вес и значение. Связь боярства и дружины очень верно указана г. Соловьевым. Это одна из таких мыслей, которые проливают обильный исторический свет. Нам кажется (на основании мысли самого г. Соловьева), что в знаменитой речи своей Иоанн (хотя в ней сказано о боярах, властвовавших во время его малолетства) возвестил уничтожение прежней власти и значения дружины, – возвестил только, ибо через тринадцать с небольшим лет начал он с остатками этой, в то же время исполненной доблестей и сил духовных, дружины ожесточенную борьбу. Этой борьбой определяет и объясняет нам г. Соловьев лютые казни Иоанновы, и это объяснение, вытекающее из мысли автора, выше нами упомянутой, превосходно и ярко освещает страшную картину казней, которая, не переставая быть отвратительной и ужасной, перестает быть бессмысленной.

Итак, если в речи Иоанна дело идет вообще о боярстве, с которым начал борьбу еще дед его, то, нам кажется, правление боярское, бывшее во время малолетства Иоанна, не нужно доводить до этой речи. Но важности это замечание, конечно, не имеет. В III главе автор рассказывает о Казани, Астрахани и Ливонии. Этот рассказ объемлет время от 1549 до 1560 года. Рассказ исключительно посвящен этим предметам (говоря об Астрахани, автор говорит о Крыме, говоря о Ливонии, говорит о Литве), а между тем в течение этого времени было событие великой важности, о котором автор здесь, в этой главе, не упоминает: это болезнь Иоанна (1553) и сопротивление бояр требованию царя целовать крест его младенцу-сыну. Доведя повествование до 1560 г. и рассказав об утверждении сношений с Англией, автор оканчивает главу и начинает новую. Следующая глава (IV) носит наименование «Опричнина» и объемлет собою время от 1543 до 1574 года. Автор рассказывает здесь обстоятельства, сопровождавшие болезнь Иоанна, говорит об удалении Сильвестра и Адашева, об отъезде Курбского, о переписке его с царем и наконец об учреждении опричнины и о казнях. Вся глава эта в особенности носит характер исследования, и исследования дельного, но исследование – не история. В этой главе, вернувшись на 7 лет назад, автор забегает на 14 лет вперед. О казнях говорится очень кратко и неполно. Странно, что, говоря о прибытии Иоанна из опустошенного им Новгорода в Псков, автор не говорит о юродивом Николае Салосе и о словах его Иоанну, тогда как это явление совершенно особенное, характеристическое, принадлежащее древней России. О смерти Анастасии мы впервые узнаем только из приводимых автором слов Курбского и Иоанна. А со смертью Анастасии совпадает начало казней. Положим, что это случайно; но оно так. Сверх того, мы не думаем, чтобы это было совершенно случайно. Иоанн любил Анастасию, это очевидно. Он сам говорит, и слова его запечатлены искренним и горестным чувством: «А и с женою меня вы про что разлучили? Только бы не отняли у меня юницы моя, ино бы кроновы жертвы не было»¹. Доведши рассказ до завещания Иоаннова (прекрасно объясненного) и до 1574 года, до казни знаменитого князя Воротынского, автор оканчивает главу и, начиная новую, носящую наименование «Полоцк», опять обращается к войне Ливонской, к 1560 году, следовательно, опять назад за 14 лет, когда Курбский еще бился за Россию. В этой главе автор рассказывает дела ливонские и литовские, дела шведские, крымские, доводя свой рассказ до 1572 года. Следующая глава называется «Стефан Баторий»; в ней автор рассказывает войну с Баторием, со шведами и сношения с Англией, доходя до 1584 года. Посвящая исключительно рассказ свой этим событиям, автор опять не говорит о том, что делалось тогда внутри государства, и помещает между слов мимоходом такие известия, которые для читателя должны быть непонятны. Так, начав говорить о сношениях Иоанна с Елизаветой, с целью жениться на ее родственнице, автор говорит в скобках, что Иоанн был женат в пятый или седьмой раз. Читатель знает лишь об Анастасии, первой жене, и, ничем не приготовленный к такому многоженству (ибо рассказ касался лишь свирепостей Иоанна), непременно должен изумиться. Точно так же изумляется читатель, знавший мимоходом из рассказа автора, что у Иоанна два сына: Иван (старший) и Федор, точно так же изумляется, читая, что посол наш в Англии, говоря о сватовстве, должен был объявить, что наследником государства будет царевич Федор. Куда же девался Иван? Любопытство и недоумение читателя возбуждено; но он должен подождать до конца книги. Следующая глава, VII, посвящена завоеванию Сибири и называется «Строгановы и Ермак». Здесь рассказ идет о событиях с 1581 до 1584 года: автор начинает свое повествование с времен более отдаленных, что совершенно естественно: здесь объясняется происшествие отдельное; рассказ же о самом происшествии хронологически почти примыкает к предыдущему рассказу. Доведя свое повествование до 1584 года, до грамоты царя к Строгановым касательно князя Семена Волховского, отправляемого в Сибирь, автор приводит самую грамоту и прибавляет: «Это распоряжение Иоанна относительно Сибири было последнее: он

¹ «Сказания» князя Курбского, ч. 2, с. 112.

не дождался вестей ни о судьбе Волховского, ни о судьбе Ермака». После того автор говорит о самом Иоанне, о его женитьбах, об убийстве им сына и наконец о его смерти. Затем автор говорит об Иоанне, как лице, и объясняет его исторически. Описание Иоанна оканчивает автор описанием его наружности и привычек.

Таким образом, из одного уже расположения «Истории» видно, что это скорее монографии или лучше исторические исследования об Иоанне Грозном и его эпохе, а не история. О многих событиях сказано вскользь, мимоходом; между прочим, о ереси Матвея Башкина и игумена Артемия. О Стоглавом Соборе почти и не упомянуто; о «Судебнике» не упомянуто вовсе. Быть может, все это еще будет в обещанной главе «О внутреннем состоянии русского общества». Но такие явления, как Стоглав и «Судебник», кажутся нам явлениями, занимающими место наравне с *событиями*, следовательно, должны были бы найти место в VI томе. Скажут, может быть, в них уже проявляется внутреннее состояние общества. Да ведь оно проявляется и во всем; а явления, о которых мы говорим, принадлежат к жизни государственной, внешней, повествовательной. Но если бы это были явления чисто внутренние, то и тогда, рассказывая всю повесть царствования Иоанна, как не упомянуть о них? Ведь рассказ должен быть полон, изобразителен; а может ли он быть таким, если из него выпущены такие важные явления, как Стоглав и «Судебник»? Если уж относить их к внутреннему состоянию общества, то, упомянув о них вообще между событиями историческими, потом можно было бы сказать о них подробно. Самое изложение автора принимает часто характер исследования, и факты приводятся как пример или подкрепление. – Наконец, чисел так мало, что в них, при чтении беспрестанно чувствуешь недостаток. Нельзя же помнить все числа самому.

Самый слог истории как-то неровен, как-то нерешителен; он постоянно колеблется между строем древней русской речи и выработанной, современной, насыщенной прозой. Местами, когда автор одушевляется, слог становится выразителен, живописен и силен. Причина такой двойственности или шаткости слога заключается, кажется нам, в том же: то есть в том, что сочинение автора не история, а исследование, изыскание, исполненное напряженного внимания к исследуемому предмету; понятно, что здесь слог то передает речь исследуемых источников, то становится слогом обиходным, бесцветным, нужным только, чтобы заявить ту или другую мысль, то или другое соображение. Местами, когда цельная историческая картина увлекает автора, то и слог становится целен, жив и одушевлен; этот живой слог уже знаком нам по некоторым прежним сочинениям г. Соловьева. – Но в то же время мы благодарны г. Соловьеву за то, что он в слогe своем на деле показывает возможность перенесения в некоторой степени старой древней русской письменной речи в нашу современную письменную речь, возможность пользоваться ею и, следовательно, обогащаться новым притоком свежего, сильного слова.

Читатель, сам хорошо знающий русскую историю или, по крайней мере, знающий ее как последовательный и совокупный ход событий, прочтет с большим удовольствием и с пользой VI том «Истории России». Но читатель, который не имеет предварительных сведений об эпохе Иоанна, решительно потеряется в этом томе; для него будет многое нечаянно, многое неясно, неполно, непонятно, и наконец у него не останется в памяти ни связного, последовательного хода событий, ни полной, цельной картины всего царствования, а одни прекрасные этюды.

Но, может быть, спросят нас, как же различить историческое исследование от истории?

Не думаем, чтобы эти понятия были сбивчивы даже в общем обыкновенном понимании. Но скажем нашу об этом мысль. Под историей понимаем мы непосредственное, наглядное представление событий в их *последовательности* и в их *современности* (разумеется, насколько возможно этого достигнуть человеческому слову). Недаром событие является одно после другого и одно вместе с другим, хотя бы, по-видимому, ни в том, ни в другом случае, не было связи между ними. Не должно нарушать хода событий, как они были на самом деле, как они явились на земле. История должна уважить этот ход и взять его себе в основание. Но одно такое

изложение событий было бы простым рассказом, повествованием вроде летописи; при событиях осталось бы и все случайное, преходящее, что обыкновенно сопровождает их. История – не летопись. Взяв этот былевой ход событий, совершающихся в случайности, история должна понять их смысл и, оставив неприкосновенным этот великий ход, должна откинуть все случайное, ненужное, сопровождающее ход исторической жизни. История должна осветить мыслью этот ход событий, мыслью в них же таящейся, из них же извлеченной, – и по возможности так, чтобы из одного изложения их видна уже была эта мысль. Итак, история есть *непосредственное представление событий* (народа, человечества) в их естественном ходе, в их действительной былевой современности и последовательности, но *представление, освященное в то же время мыслью*, движущей эти события, очищенное от всего мгновенного и случайного (ибо среди этого действуют исторические идеи), затемняющего их смысл. Следовательно, элемент художественный необходим в истории.

Историческое исследование есть искание или доказывание мысли, выражающейся в исторических событиях. Историческое исследование по свойству своему составляет совершенную противоположность безыскусственному летописному рассказу. Оно не есть рассказ событий. Напротив, оно обращается к ним настолько, насколько нужно для понимания, для объяснения мысли, в них выражающейся; события приводятся в доказательство, в подтверждение, как факты. Художественный элемент вовсе не нужен в историческом исследовании. Оно не повествует, а ищет, доказывает, роется в событиях. Итак, история и историческое исследование две вещи разные. Историческое исследование возможно и тогда, когда еще не создалась история, но без исторического исследования история создаться не может. Конечно, могут быть сочинения смешанные, то есть историческое исследование может мешать историческому рассказу. – Это отчасти видим мы местами и в сочинении, нами рассматриваемом; впрочем и тут оно принимает характер смешанной с исследованиями монографии, а не истории. – Основываясь на общей его характеристике, мы относим это новое сочинение г. Соловьева (VI том «Истории России») прямо к историческим исследованиям.

Но возможна ли у нас теперь история? Конечно, нет. История есть уже плод ясного самосознания, плод спокойного самосозерцания. А мы еще далеки от того. У нас теперь пора исторических исследований, не более. И кажется, эта пора только еще начинается. – Слишком крепко была отшиблена у нас память, слишком решительно была разорвана нами связь с прошедшим, чтобы не легло на нас за это законного наказания: непонимания жизни наших предков, непонимания своей собственной народной жизни. Скоро ли можем мы добраться до самосознания, когда и теперь требование народного или самостоятельного воззрения кажется для многих непонятным, а для многих слишком гордым, даже дерзким, ибо, по их мнению, выходит, что *нам не должно сметь свое суждение иметь*. Итак, устремим же все силы наши на то, чтобы сперва разработать и понять наше прошедшее и стать наконец на свои ноги, вопреки любителям ходить на помочах. А историю писать погодим. У нас есть история, труд великий, монументальный: это «История» Карамзина. Она принадлежит той ложной подражательной эпохе, которая, как ни хлопочут о ней защитники исключительной национальности западноевропейской, сдвинулась со своего места и увлекается, хотя медленно, потоком времени. Карамзин *мог* писать историю; он не замечал недостатка ясного самосознания. Неизбежные сомнения, необходимые недоумения и вопросы возбуждены еще не были. Карамзин взялся за огромный труд; он старался объяснить темные и непонятные *места* в истории; но ни сомнений, ни недоумений не видеть в его сочинении; он нашел и тон, и слог для истории, им писанной. При «Истории» Карамзина мы не можем остаться; но она не потеряет для нас своих прав на глубокую благодарность и уважение. Цена ее, можем сказать, будет возрастать со временем. Сознывая общую ложность самой «Истории», мы кроме глубокого уважения к великому труду, будем прибегать к ней за указаниями, справляться с ней в том или другом случае, и, вы шедши за пределы ее круга, оценим ее лучше и поблагодарим за нее горячее. Повторяем, Карамзин

точно мог писать историю. Но наше время не таково. История такого рода нас удовлетворить не может. Мы чувствуем, что почва колеблется под нашими ногами. Где же тут строить здание? Итак, нам надобно понять сперва русскую историю, понять самих себя, после полуторастолетнего попугайства; а это нелегко для нас, отвыкших жить своим умом и даже чувствовать своим чувством. Для того, чтобы достигнуть главной цели: понять свою историю и самих себя, нам необходимы исследования, исследования и исследования. Само собою разумеется, что учебник всегда возможен. Возможна, может быть, и монография, скорее в виде простого изложения событий.

Не знаем, согласен ли с нами уважаемый автор: во всяком случае, самая книга его согласна с нами. Г. Соловьев предположил себе писать историю, но его верный исторический такт, но потребность современной науки русской истории, потребность, им чувствуемая и понимаемая, не допустили до этого и заставили его на *деле* написать не историю, а историческое исследование, – и мы очень этому рады. Попытка, если бы она осуществилась на деле, написать историю, попытка преждевременная, непременно была бы неудачна. Мы знаем, что не от недостатка дарования г. Соловьев не написал нам «Русской истории». Из его лекций, которые удалось нам слышать, из разных мест его сочинений, видим мы совершенно тому противное. Мы знаем: у него довольно исторического художественного таланта для непосредственного представления мыслью проникнутых событий, но эпоха не та, но не пришла еще пора для «Русской истории», и потому г. Соловьев может написать только историческое исследование.

Сказав теперь, к какому роду принадлежит, по нашему мнению, новый труд г. Соловьева, обратимся к самому труду и посмотрим, что высказывает в нем автор, как смотрит на Иоанна IV, на его эпоху, на Россию XVI века.

Нечасто в истории встречаются эпохи, в которых бы исторический интерес был так возвышен и так сосредоточен, как в царствование Иоанна. Иоанн провел всю свою жизнь на престоле, с лет младенческих до старческих, и какую изменчивую, бурную и многозначительную жизнь. И общее значение эпохи, и великие события, и личности, как самого Иоанна, так и окружающих его людей, все ставит эту историческую в жизни народа эпоху наряду с самыми замечательными.

Автор в начале книги, говоря о первых годах Иоаннова царствования, высказывает очень верную и важную мысль, о которой мы уже упоминали. В отношениях Иоанна к боярам видит он последнее проявление борьбы между государем, начинающим новый порядок вещей, пришедшим к новому понятию о власти, – и его дружиной, помнящей прежнее свое значение и старающейся его удержать. Приводим слова самого автора.

«В – это правление решен был чрезвычайно важный вопрос для государственной жизни России. Северо-восточная Русь объединилась, образовалось государство, благодаря деятельности князей московских; но около этих князей, ставших теперь государями всей Руси, собрались, в виде слуг нового государства, потомки князей великих и удельных, лишенных отчин своих потомками Калиты; они примкнули к московской дружине, к московскому боярству, члены которого должны были теперь, по требованию нового порядка вещей, переменить свои отношения к главе государства. Вокруг великого князя московского, представителя нового порядка, находившего свой главный интерес в его утверждении и развитии, собрались люди, которые жили в прошедшем всеми лучшими воспоминаниями своими, которые не могли сочувствовать новому, которым самое их первенствующее положение, самый их титул указывали на более блестящее положение, более высокое значение в недавней, очень хорошо известной старине. При таком сопоставлении двух начал, из которых одно стремилось к дальнейшему, полному развитию, а другое хотело удержать его при этом стремлении, удержать во имя старины, во имя старых, исчезнувших отношений, необходимо было столкновение. Это столкновение видим в княжении Иоанна III и сына его, столкновение, выражающееся в судьбе Патрикеевых, Ряполовских, Холмского, Берсеня и других: необходимы были стремления со

стороны великих князей освободиться от людей, живущих стариной и во имя этой старины мешающих новому, необходимы были стремления выдвигать людей новых, которые бы не оглядывались назад, смотрели бы только вперед и поэтому были бы покорными слугами нового, от которого получили свое значение, свое общественное бытие. Но вот великому князю Василию Иоанновичу наследует малолетний сын его, Иоанн, который остается все еще малолетним и по смерти матери своей, правившей государством; в деле управления становятся люди, не сочувствовавшие стремлениям государей московских; как же поступят теперь эти люди, у которых развязались руки, которые получили полную возможность действовать в свою пользу, по своим понятиям? Оправдают ли они свое противоборство новому порядку вещей делами благими, делами пользы государственной? Уразумеют ли, что бессмысленно вызывать навсегда исчезнувшую удельную старину, исчезнувшие отношения, что этим вызовом можно вызвать только тени, лишённые действительного существования? Сумеют ли признать необходимость нового порядка, но не отказываясь при этом от старины, сумеют ли заключить сделку между старым и новым во благо, в укрепление государству? Сумеют ли показать, что от старины остались крепкие начала, которые при искусном соединении с новым могут упрочить благосостояние государства? Мы видели, как Шуйские с товарищами воспользовались благоприятным для себя временем. В стремлении к личным целям они разрознили свои интересы с интересом государственным, не сумели даже возвыситься до сознания сословного интереса. Своим поведением они окончательно упрочили силу того начала, которому думали противодействовать во имя старых прав своих; и без того уже связь, соединявшая их с землей, была очень слаба: мы видим, что действуют на первом плане, борются, торжествуют, гибнут князья, потомки Рюрика, князья суздальские, ростовские, ярославские, смоленские, но где сочувствие к ним в этих областях? Не говорится, что за Шуйских стояли суздальцы и нижегородцы всем городом, за потомков своих прежних князей; а сказано, что за Шуйских стояли новгородцы Великого Новгорода всем городом: вот одно только чувствительное место, которое отзывается на новые движения во имя старых отношений! Понятно, что еще меньше могли найти сочувствия князья Вельские и Глинские, литовские выходцы. Сочувствие могло быть возбуждено к этим людям, если бы они тесно соединили свой интерес с интересами земли; но вместо того народ увидел в них людей, которые остались совершенно преданы старине и в том отношении, что считали прирожденным правом своим кормиться за счет вверенного им народонаселения, и кормиться как можно сытнее. Понятно, что земля всеми своими сочувствиями обратилась к началу, которое одно могло защитить ее от этих людей, положить границу их своекорыстным стремлениям, – и вот молодой царь пользуется ошибками людей, в которых видит врагов своих, и с лобного места, во услышание всей земли говорит, что власть князей и бояр, лихоимцев, сребролюбцев, судей неправедных кончилась, что он сам будет теперь судья и оборона, – и разбор просьб поручает человеку, которого взял из среды бедных и незначительных людей: на место Шуйских, Вельских, Глинских, видим Адашева; Исав продал право первородства младшему брату за лакомое блюдо»².

Мы выписали целиком все место, хотя не все в нем кажется нам справедливо.

Автор в окончании книги касается опять той же мысли и говорит:

«Долго Иоанн Грозный был загадочным лицом в нашей истории, долго его характер, его дела были предметом спора. Причина недоумений и споров заключалась в незрелости науки, в непривычке обращать внимание на связь, преемство явлений. Иоанн IV не был понят, потому что был отделен от отца, деда и прадедов своих. Одно уже название: Грозный, которое мы привыкли соединять с именем Иоанна IV, указывает достаточно на связь этого исторического лица с предшественниками его, ибо и деда его, Иоанна III, называли также Грозным. Мы жаловались на сухость, безжизненность наших источников в северной Руси до половины XVI века; жало-

² «История России», т. VI, с. 61–64.

вались, что исторические лица действуют молча, не высказывают нам своих побуждений, своих сочувствий и неприязней³. Но во второй половине XVI века борьба старого с новым, раздражительность при этой борьбе доходят до такой степени, что участвующие в ней не могут более оставаться молчаливыми, высказываются; явно уличившаяся в Москве с половины XV века начитанность, грамотность помогают этому высказыванию, этому ведению борьбы словом, и являются двое борцов, – внук Иоанна III и Софии Палеолог, Иоанн IV, и потомок удельных ярославских князей, московский боярин князь Андрей Курбский. Курбский указывает нам начало неприязни в самом собрании земли, в подчинении всех княжеств Северной Руси княжеству Московскому; как боярин и князь, Курбский указывает перемену в отношениях московских великих князей к дружине их, начало борьбы при Иоанне III, указывает на Софию Палеолог как на главную виновницу перемены, еще сильнее вооружается он против сына Иоанна III и Софии, Василия, и в Иоанне IV видит достойного наследника отцовского и дедовского, достойного продолжателя их стремлений. Слова Курбского вполне объясняют нам эти стремления Иоанна IV, стремления, обнаружившиеся очень рано, высказывавшиеся постоянно и сознательно. Нам понятно становится это поспешное принятие царского титула, желание сохранить его, желание связать себя и с Августом Кесарем, и с царем Владимиром Мономахом, желание выделить себя, возвыситься на высоту недостижимую; понятно становится нам презрение к королю шведскому, к которому приписывается земля, к Стефану Баторию, многочисленным сеймом избранному, объявление, что нет им равенства с царем московским»⁴

³ Впрочем, Берсень не молчал!..

⁴ «История России», т. VI, с. 435–443.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания